

Мария Аверина

КОНТУР ЧЕЛОВЕКА

мир под столом

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А19

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Аверина, Мария Александровна.
А19 Контур человека: мир под столом / Мария Аверина. – Москва : Эксмо, 2019. – 416 с.

ISBN 978-5-04-103632-4

История детства девочки Маши, родившейся в России на стыке 80–90-х годов XX века, – это собирательный образ тех, чей «нежный возраст» пришелся на «лихие 90-е». Маленькая Маша – это «чистый лист» сознания. И на нем весьма непростая жизнь взрослых пишет свои «письмена», формируя Машины представления о Жизни, Времени, Стране, Истории, Любви, Боге.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103632-4

© Аверина М., текст, 2019
© Николаенко А., иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Посвящается
Людмиле Борисовне Паншиной,
моей дорогой бабушке*

Все персонажи вымышлены.
Любое совпадение имен и событий
с реальными биографиями
является случайностью.

ПРО МОЕГО ПАПУ, или ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Говорят, что у меня был Папа.

Я его никогда не видела, но Мама и Бабушка часто рассказывали мне про него.

Он не был высокого роста, как многие папы моих одноклассников, не посещал спортзал, тягая «железо» в погоне за рельефными мышцами, и его фотография вряд ли украсила бы обложку глянцевого журнала. Он не был богат, как папа Наташи или Насти, не ездил на изысканной машине, а даже совсем наоборот: принципиально ходил пешком. Он не был знаменит, как папа Кати или Лены, и никогда к этому не стремился. Он не был плотником, сварщиком, строителем, актером, писателем, бизнесменом или рок-звездой.

Мой Папа был богомазом.

Невысокий, плотный, крепкий, он, заложив руки в карманы и по-птичьему склонив голову набок, мог часами стоять перед пустой белой стеной, которую завтра начали бы готовить под роспись. Или сидеть, свернувшись калачиком, где-то в темном уголке церкви на какой-нибудь доске, которую забыли строители, восстанавливавшие храм, отрешенно скользя по неоштукатуренным еще кирпичам мягким, ласкающим взглядом, и время от времени улыбаться в свою густую рыжую бороду какой-то потаенной, светлой улыбкой. Спрашивать что-то в такие минуты у него было просто бесполезно: он либо отвечал односложно, коротко и невпопад, либо не отвечал вообще.

Таким, видимо, и застала его моя Мама, когда, гуляя с подружкой по парку, из чисто женского любопытства случайно забрела в один из свежевостановленных усадебных храмов. Забрела и... осталась с Папой.

Мария Аверина

И вы знаете, я, наверное, ее понимаю!

А еще Папа любил бродить. Он мог неслышно исчезнуть из дома рано утром, не взяв с собой ни своего потрепанного рюкзака, ни денег, ни документов, и появиться, например, через два дня, неся за пазухой изношенной футболки где-то им самим нарванные дикие яблоки и груши, а в руках — огромный букет полевых цветов. Спрашивать его, где он пропадал, также было бесполезно. Он снова замолкал, опускал глаза, улыбался и... шел в комнату, где возле окна стояла подготовленная доска, на которой он начал писать икону. И снова он закладывал руки в карманы и снова часами, стоя, иногда что-то мурлыча себе под нос, смотрел на нее, не отрываясь.

Его мало интересовали деньги. Если они у него появлялись, то в доме в первую очередь пополнялся запас кистей, баночек с красками и еще каких-то таинственных приспособлений и предметов, предназначения которых Мама не знала, а Папа... Папа часами мог держать их в руках, не расставаясь с ними даже за обеденным столом.

Его мало интересовало, что он ел, во что был одет. Со временем, когда быт семьи властно стал вмешиваться в его вечное внутреннее одиночество, на все Мамины упреки он молча задумчиво смотрел ей в глаза, крутя в руках кисть, и она понимала: он ее не слышит. Потому что там, на доске у окна, уже появился край бездонного голубого неба, и он просто ждет, когда же его отпустят это небо дописать.

Однажды он так и ушел рано утром, когда все еще спали. И вместе с ним ушли, загруженные в его старенький вместительный рюкзак, баночки, коробочки, кисти, тряпки, палитры — другого имущества у него было немного. Ушел и... больше не вернулся.

Возле окна на специальной подставке осталась лишь небольшая подсыхающая доска с только что оконченной иконой «Умягчение злых сердец», где Божья Матерь, скорбно глядя в пустоту перед собой, терпит сумасшедшую боль от зачем-то воткнутой ей в грудь семи страшных мечей. Три справа, три слева и один снизу — когда я выучила цифры, я специально посчитала.

Икона так и осталась в нашей семье и почему-то ужасно меня пугала. Я часто украдкой, чтобы не видели взрослые, подходила к ней и долго-долго уговаривала

Контур человека: мир под столом

Божью Матерь чуть-чуть потерпеть и поверить так же, как верю в это я, что однажды утром вернется мой Папа и я обязательно попрошу, чтобы он замалевал эти страшные железные штуки. И когда он избавит Божью Матерь от ее дурацких, бессмысленных страданий, тогда я поставлю возле иконы Папины полевые цветы в нашу с Мамой любимую вазу, а Божья Матерь перестанет смотреть в пустоту, обернется ко мне, и мы вместе весело рассмеемся над всеми страхами, которые нас с ней терзали столько лет.

Но Папа так и не вернулся. Какое-то время от него еще приходили письма — из тех городов, где он расписывал храмы, из тех монастырских церквей, где на стенах под его кистью раскрывали свои прозорливые глаза святые, смотрящие в наше туманное будущее.

Может быть, Мама ему не отвечала? Не знаю. Только через какое-то время прекратились и письма.

...За моей дачей — огромное поле. И когда на рассвете в руках своевольно бьется шланг, осыпаящий мой небольшой огородик брильянтовым веером брызг, я часто смотрю вдаль, на восход. И в нем мне мнится невысокая крепкая фигура человека, уверенно шагающая по стерне с закинутым за плечи тяжелым рюкзаком. Первые солнечные лучи играют отчаянно-рыжими вихрями, поднимая над вечно встрепанной, жесткой, как и у меня, копной невысокий золотистый ободок.

Куда ты сегодня держишь путь, мой Папа?

Но он не оборачивается...

Рассказ первый

•

КАК Я РОДИЛАСЬ?

Неудачно.

Ну, то есть я, наверное, так не считала — я этого не помню.

Но специалисты-врачи были в этом твердо уверены, полагая, что лучше родиться семимесячной, чем восьмимесячной.

С Мамой моей об этом беседовать было бесполезно. Ибо сразу после моего появления на свет она занялась спором с Богом: не пора ли ей к нему в ведомство или еще можно немножко потоптать землю. Поэтому суровые специалисты позвонили моей Бабушке.

— Вы знаете, — начал врач, осторожно подбирая слова, — ребенок очень плох. Мы не слишком уверены, что доживет до завтрашнего утра... Видите ли... если хоронить... нельзя, чтобы она была безымянной. Езжайте в загс, вам нужно успеть...

Вторая половина дня. Заливаясь слезами, Бабушка поехала домой, схватила необходимые документы и помчалась в загс. Но у сотрудницы, ведающей этими делами, уже закончился рабочий день, и она наотрез отказалась меня регистрировать. Тогда Бабушка встала в дверях кабинета и поклялась, что не выпустит ее, если та немедленно не выдаст свидетельство о моем рождении. Потому что уже завтра Бабушка придет к ней за моим свидетельством о смерти.

— Сумасшедшая какая-то, — испугалась работница загса и на всякий случай решила не перечить.

Придвинув к себе бумаги, недовольно поджав губы, она засыпала Бабушку вопросами:

— Как зовут мать ребенка? Год ее рождения? Как зовут отца ребенка?

Мария Аверина

Бабушка растерялась... перепутала отчество моего отца, год и место его рождения... Но работница загса так торопилась, что даже не стала ничего проверять. А может быть, ей было все равно? Ведь она помнила, что уже завтра ей придется оформлять на меня совершенно другие бумаги.

– Как зовут ребенка?

Не тормозя ни секунды, Бабушка выпалила:

– Маша. Девочку зовут Маша.

Имя явно было первым, которое пришло в голову, но какая уж в этой ситуации была разница?

Домой она вернулась с заветной зелененькой «корочкой» в руках. Села, обесилев, на стул посреди комнаты, сумку как попало бросила на кровать и долго-долго смотрела на старую, доставшуюся ей от бабушки, почерневшую икону Божьей Матери, что висела в углу.

– Вот, – сказала она, глядя Деве Марии прямо в глаза. – Она тоже Маша. Как ты...

И опять заплакала.

– Скажи мне, Мать Божья, чем я тебя так прогневала?.. Дочь при смерти... внучка до утра не доживет...

Она потянулась к сумке достать сигареты. Надо заметить, что дымила моя Бабуля тогда как паровоз – не менее двух пачек в день уходило у нее на успокоение своих издерганных нервов. А уж когда к ней приезжала в гости ее любимая подружка Тетя Тамара и они забалтывались на кухне до утра – там и вовсе никто не считал, а просто вычищал к рассвету переполненные пепельницы.

Надорвала новую пачку, закурила, глубоко затянулась... Поперхнулась дымом – или слезами? – закашлялась...

– Черт бы тебя побрал, клятое зелье! Знать бы, что она выживет, – бросила бы совсем...

И, не докурив, яростно раздавила сигарету в пепельнице.

Прилегла, не раздеваясь, – роковой звонок из больницы мог раздаться в любой момент.

Контур человека: мир под столом

Утро наступило по-августовски прохладное и серенькое. Моросил уже какой-то вполне осенний дождичек... Да так все было уныло, что на кухне пришлось зажечь свет.

Кофе, конечно же, убежал. Молоко на дождик скисло. Пришлось глотать горькую жижу (а заварила Бабушка покрепче, учитывая, что спала вполглаза) без всякого удовольствия.

Тело ломило. Голова гудела. Глаза опухли от слез.

И тут вдруг Бабушка сообразила, что звонка из больницы не было!

Она привычным движением нашарила пачку, поднесла сигарету к губам... И вдруг отложила, не позволяя, однако, надежде слабым росточком заколоситься в душе.

Позвонить самой? Или поехать? Или сидеть ждать?

Но сидеть и ждать, будучи одной в четырех стенах квартиры, было просто невыносимо. И она поехала в больницу.

Конечно же, работала другая смена врачей. Пришедший по Бабушкиному вызову реаниматор долго не мог понять, чего она от него хочет. Какая девочка? Какая Маша? Какое свидетельство о рождении? Кто должен умереть?

Ему пришлось подняться в отделение, посмотреть какие-то бумаги, снова спуститься, чтобы с раздражением сообщить: никаких поводов для столь бурной женской истерики он не видит. Девочка, о которой идет речь, не только жива, но и переведена из реанимации в специальное отделение. Он предложил Бабушке двадцать пять сакраментальных капель успокоительного и — пройти к ожидающему ее визита больничному юристу.

От капель Бабушка отказалась. На ходу нашаривая пачку сигарет, она без счету раз сворачивала за какие-то углы бесконечного и однообразного больничного коридора в поисках выхода во двор. Но все двери на все лестничные клетки были надежно заперты, у балконных — откручены ручки, посему покурить тут явно было негде. Раскопки в сумке пришлось прекратить.

— Присядьте, и давайте поговорим спокойно! — сразу предостерег Бабушку юрист, взглянув в ее безумные, опухшие от слез глаза.

Он был настолько любезен, что налил ей кофе, предложил к нему печенье и наконец придвинул к себе бумаги.

Мария Аверина

– Вам прежде всего нужно попробовать осмысленно отвечать на мои вопросы.

– Ага! – ошеломленно кивнула Бабушка.

– Видите ли... учитывая всю сложную ситуацию, в которой вы оказались... за невозможностью поговорить с матерью... **пока** невозможностью, – торопливо поправился он, – мне придется сделать это предложение вам... как самому ближайшему родственнику девочки.

– Маши, – поправила Бабушка.

– Да, Маши, – о чем-то досадуя, сказал юрист.

– Так вот... – Он явно мялся и чего-то недоговаривал. – Скажите, а вы кем работаете?

– В институте... английский преподаю.

– Вы готовы будете бросить работу?

– Зачем? – перепугалась Бабушка. – На что же я жить буду? Я и так едва вытягиваю... заочники, вечерники, на курсах подрабатываю... кручусь как сумасшедшая... время-то сейчас сами знаете какое...

– Вот... в этом-то и проблема... Дело в том, что девочка...

– Маша, – снова настойчиво поправила Бабушка.

– Да, Маша, – поморщился юрист. – Она еще очень долго будет нуждаться в специальном уходе... Совсем специальном... И вы его ей вряд ли сможете обеспечить.

– Она что... даун? – перепугалась Бабушка и опять полезла в сумку за сигаретами, но сообразила, что закурить в кабинете больничного юриста, видимо, будет не очень прилично.

– Что вы, что вы! – замахал руками юрист. – Господь с вами... Нет, конечно... Но... поймите правильно... Мать при смерти... И врачи пока не знают, чем все это кончится... Девочка тоже очень плоха... А через какое-то время ее состояние может значительно ухудшиться... И это скажется на общем развитии... Чтобы все это предотвратить, требуется специальный, квалифицированный медицинский уход, который вы, как я понимаю, обеспечить девочке... м-м-м... Маше не сможете. У вас на это нет ни времени, ни средств, ни соответствующих навыков...

Бабушка молча плакала.

Контур человека: мир под столом

— Поэтому я предлагаю, — собрался с духом юрист, — переместить девочку...
— Машу!

— Да-да, конечно, Машу... простите... Переместить девочку Машу в специализированное медицинское учреждение, где умеют ухаживать за такими тяжелыми детьми.

— Как же я... родную внучку... в детдом... отдам... — Тут Бабушка уже зарыдала.

— Нет, нет, нет... Перестаньте плакать, — юрист совсем растерялся, — подождите. Вам никто не предлагает оставить ее насовсем. Вы сможете навещать девочку по выходным...

— Всю жизнь?

— Господи, да зачем же всю жизнь? — Юрист, похоже, терял терпение. — Экая вы, право, бестолковая. Все у вас крайности... Критическая ситуация или проявит себя, или **не** проявит, — тут он опять сделал особый акцент, — вплоть до четырех лет. За это время, простите... определится ситуация с матерью... Вам ведь непосильно будет ухаживать за обеими в случае чего... — И юрист опять сбился с мысли.

— В случае чего — это чего? — воззрилась на него Бабушка.

— Ну, в случае если мать... м-м-м... выживет, за ней тоже какое-то время потребуется серьезный уход... и может быть, длительное время... — выпалил юрист, сел и вдруг рассердился: — Короче! Если вы хотите сохранить жизнь внучке... м-м-м-м... Маше... ее матери и себе, подпишите мне эти бумаги! — грозно потребовал он. — Через неделю девочку перевезут в один из лучших специализированных домов ребенка. Вы будете туда ездить. А к четырем с половиной годам заберете домой. Все. Будете подписывать?

Вконец перепуганная Бабушка все подписала.

И помчалась через больничный двор в другой корпус больницы — к Маме, на бегу выкапывая-таки из сумки сигареты. Но только она собралась чиркнуть спичкой о коробок, как ее грозно осадил проходившая мимо женщина в грязном белом халате:

— Не курят у нас!

Бабушка послушно кинула смятую сигарету в урну и сунула пачку обратно в сумку.